

RU

Генерационные неологизмы английского языка
как фактор языковой поляризации поколений

Хатламаджиян М. А.

Аннотация. Цель исследования – выявить особенности функционирования генерационных неологизмов английского языка как факторов когнитивной и социальной поляризации между и внутри поколений. В статье рассматривается феномен лексем с когортной маркированностью, прослеживается их роль в формировании символических границ и межпоколенческой оппозиции в англоязычном дискурсе. Раскрываются семантические и прагматические характеристики таких единиц, обосновывается их дихотомизирующая функция в коммуникации. Научная новизна исследования состоит в выявлении и описании когнитивных и дискурсивных механизмов генерационной лексической поляризации, проявляющейся в функционировании неологизмов с ярко выраженной когортной маркированностью. Новизна также заключается в разработке и применении авторской схемы динамического концептуального моделирования, позволяющей реконструировать трансформационную траекторию конфликтогенных лексем от первичной маркировки до амбивалентного функционирования и устойчивого противоречия когнитивных установок. Кроме того, уточнён прагматический статус таких неологизмов как инструментов когортной самоидентификации, символического разграничения и переосмысления социокультурных норм, что расширяет представления о поляризационном потенциале лексических инноваций в англоязычном дискурсе. В результате выявлены ключевые когнитивные признаки конфликтогенных генерационных неологизмов, их семантические и прагматические трансформации, а также дискурсивные сценарии, в которых они актуализируются.

EN

Generational neologisms of English
as a factor of linguistic polarization of generations

M. A. Khatlamadzhian

Abstract. The aim of the study is to identify the functional features of generational neologisms in English as factors of cognitive and social polarization both between and within generations. The article examines the phenomenon of lexemes marked by cohort affiliation and traces their role in shaping symbolic boundaries and intergenerational opposition in English-language discourse. The semantic and pragmatic characteristics of such units are revealed, and their dichotomizing function in communication is substantiated. The scientific novelty of the research lies in identifying and describing cognitive and discursive mechanisms of generational lexical polarization, manifested in the functioning of neologisms with a pronounced cohort affiliation. The novelty also consists in developing and applying the author's dynamic conceptual modeling scheme, which makes it possible to reconstruct the transformational trajectory of conflictogenic lexemes from primary affiliation to ambivalent functioning and stable contradiction of cognitive attitudes. In addition, the pragmatic status of such neologisms as instruments of cohort self-identification, symbolic differentiation, and reinterpretation of sociocultural norms is clarified, which expands our understanding of the polarization potential of lexical innovations in English-language discourse. As a result, key cognitive features of conflictogenic generational neologisms, their semantic and pragmatic transformations, as well as the discursive scenarios in which they are actualized, have been identified.

Введение

Язык – живая система, тесно связанная с обществом, его изменениями и культурной динамикой. Он развивается вместе с носителями, отражая особенности их опыта, образа мышления и среды, в которой они формируются. Возникновение нового является сущностным свойством любой системы, следствием её развития,

движения вперёд, неотъемлемым признаком и свидетельством её жизнеспособности. Появление новых слов в системе языка любого народа – яркий пример данной тенденции и подтверждение двух главных принципов языковой системы – её динамизма и открытости (Катермина, 2019, с. 6). Каждое поколение, включаясь в своё историческое и технологическое время, вырабатывает собственные способы общения, что неизбежно влияет на словарь и коммуникативные привычки. Одним из таких проявлений становятся неологизмы – новые слова и выражения, которые не только заполняют смысловые пробелы, но и помогают обозначить значимые для поколения явления, ценности и настроения. Такие слова нередко возникают в обыденной речи и далеко не всегда быстро попадают в словари, но при этом активно используются, служат средством узнавания «своих» и могут передавать не только информацию, но и отношение к ней. По наблюдениям ряда исследователей (Foubert, Lemmens, 2018; Kerremans, 2015; Link, 2021), подобные единицы могут отличаться нестабильностью в значении, варьироваться по сферам и по частоте, но именно они часто становятся отражением актуальных когнитивных и культурных сдвигов.

Современное общество переживает стремительную генерационную стратификацию, вызванную не столько биологическим возрастом, сколько когнитивно-коммуникативной дистанцией между когортами, укоренённой в различии социокультурного опыта. Язык, обладая способностью откликаться на динамику ментального пространства, реагирует образованием новых номинативных единиц, фиксирующих как фактическую, так и концептуальную составляющую социальной реальности. Особую исследовательскую значимость в этом контексте представляют генерационные неологизмы – лексемы, возникающие в пределах той или иной возрастной когорты и репрезентирующие специфику её мировосприятия и самопрезентации в речевой деятельности.

Феномен языковой поляризации, формирующийся на пересечении поколенческой идентичности, отражает растущую коммуникативную фрагментацию современного англоязычного мира. Как подчёркивается в ряде исследований (Ahsan, Tanveer, 2024; Barsallo, Ortiz, Yanis-Orobio et al., 2024; Cheshire, 2006; Downs, 2019; Privett, 2023; Rodney, 2016), лингвистическая конфликтогенность сегодня всё чаще носит латентный характер, проявляясь в лексике, маркированной принадлежностью к определённой когортной группе. Генерационные неологизмы становятся не только языковыми маркерами, но и средствами идеологической самоидентификации, манифестирующими принадлежность к «своим» и противопоставление «чужим».

Актуальность обращения к данной проблематике определяется необходимостью комплексного осмысления языка как медиатора социальных трансформаций, а не только как средства номинации. Генерационные неологизмы выполняют роль не просто лексических инноваций, но когнитивных интерфейсов, связывающих личностное и коллективное восприятие времени, норм и ценностей. Справедливо подмечено, что в условиях кросс-культурного диалога и цифровой множественности нарративов, язык перестаёт быть универсальной платформой консолидации и начинает функционировать как «семиотическое оружие», усиливающее границы и конфликты (Szydlik, 2023; Urick, Hollensbe, Masterson et al., 2017).

Объектом исследования выступают англоязычные генерационные неологизмы как элементы лингвистической репрезентации межпоколенческих ценностных и когнитивных различий.

Предметом исследования являются лингвистические механизмы поляризации поколений, реализуемые через прагматику и семантику генерационных неологизмов в современном английском языке.

Проблематика статьи заключается в выявлении роли поколенчески маркированных неологизмов в конструировании дискурсивных границ между поколениями и определении их потенциала как механизмов речевой дихотомии и символической конфликтогенности. В ситуации, когда коммуникация между поколениями всё чаще приобретает форму идеологически окрашенного дискурса, обращение к неологическим номинациям позволяет выявить скрытые структуры языкового размежевания и стереотипизации.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: *определить типологические особенности генерационных неологизмов в аспекте их когнитивной и прагматической маркированности; провести семантическое профилирование ключевых лексем с целью выявления инвариантных и вариативных признаков, репрезентирующих дискурсивные стратегии различных когорт; проследить динамику смыслового наполнения неологизмов на материале корпусных и медиадискурсивных источников; описать механизмы символической сегментации, эксплицируемые через генерационные неологизмы в межпоколенческом коммуникативном пространстве.*

В настоящем исследовании применяются взаимодополняющие методы, позволяющие всесторонне раскрыть когнитивные, прагматические и семантические характеристики генерационных неологизмов как элементов языковой поляризации. *Контент-анализ* используется для систематизированного изучения употребления и функций таких лексем в англоязычном медийном, публичном и сетевом дискурсе, что позволяет выявить частотные модели, оценочные контексты и типы когортной маркировки. *Дефиниционный анализ* направлен на интерпретацию словарных и контекстуальных определений неологизмов с компонентом *generation*, с акцентом на их ценностно-смысловую нагрузку. *Семантический анализ* позволяет рассмотреть внутреннюю структуру этих единиц, включая аксиологические и эмотивные компоненты, отражающие их конфликтогенный потенциал. *Прагматический анализ* способствует выявлению коммуникативных стратегий, в рамках которых генерационные неологизмы функционируют как средства стигматизации, самоидентификации или дискурсивного сопротивления. *Когнитивный подход* позволяет реконструировать процессы концептуализации и когнитивной динамики лексем – от первичной маркировки до амбивалентного функционирования, – раскрывая тем самым их роль в производстве символических границ и формировании межпоколенческой оппозиции.

Методологическая основа исследования опирается также на *семантическое профилирование* и *динамическое концептуальное моделирование* как на комплексный подход, позволяющий выявлять как инвариантные

признаки значений неологизмов, так и их вариативную интерпретацию в зависимости от социолингвистических параметров. Семантическое профилирование предполагает определение устойчивых коллокаций, частотных контекстов и прагматических функций неолексемы, а также распределение её значений по степени аксиологической и когнитивной нагруженности. Динамическое концептуальное моделирование, в свою очередь, направлено на прослеживание изменения значения неологизма во времени, а также на реконструкцию когнитивных сценариев, актуализируемых в дискурсивной практике различных поколений.

В данном исследовании нами предлагается аналитическая схема динамического концептуального моделирования, согласно которой генерационные неологизмы рассматриваются не как статичные единицы, а как дискурсивно подвижные конструкции, эволюционирующие во времени и претерпевающие семантические, прагматические и функциональные трансформации. Эта схема позволяет выделить четыре ключевых этапа когнитивной динамики: от стадии внешней стигматизирующей маркировки до ироничного внутрикогортного переосмысления, амбивалентного функционирования и результирующего когнитивного напряжения. Подобный подход оказывается особенно продуктивным при анализе конфликтогенных неологизмов с когортной и гендерной маркированностью, поскольку он выявляет не только структурные механизмы поляризации, но и процессы борьбы за символическое закрепление норм, идентичностей и ценностных ориентиров.

Гипотеза исследования заключается в том, что генерационные неологизмы не только являются реакцией на социокультурные изменения, но и выступают активными семиотическими механизмами поляризации, поддерживая различие когнитивных карт поколений и усиливая эмоциональную дихотомию «мы – они» в лингвистическом сознании.

В качестве основного материала исследования были выбраны англоязычные неологизмы и неонминации, обладающие выраженной когортной маркированностью, функционирующие в речевой практике как маркеры поколенческой принадлежности и/или противопоставления. Эмпирическая база включает около 275 лексических единиц и устойчивых выражений, извлечённых методом сплошной выборки из цифровых источников.

Критерием отбора послужили частотность употребления, наличие эксплицитной или имплицитной генерационной отнесённости, а также прагматическая направленность (самоидентификация, стереотипизация, конфликт или ирония).

Теоретическую базу исследования составляет монография В. В. Катерминой в области социолингвистики и дискурс-анализа с опорой на когнитивную лингвистику «Словообразовательный потенциал неологизмов в англоязычном массмедийном дискурсе» (2019); работы отечественных учёных В. Ю. Апресян (2017), В. И. Теркулова, Т. Ю. Тамерьян (2023), анализирующих поляризацию лексических единиц, языковую идентичность, социокультурные и когнитивные аспекты самоидентификации; научные труды зарубежных авторов в области социокогнитивной лингвистики (Ahsan, Tanveer, 2024; Barsallo, Ortiz, Yanis-Orobio et al., 2024; Cheshire, 2006; Downs, 2019; Foubert, Lemmens, 2018; Kerremans, 2015; Link, 2021; Privett, 2023; Szydlík, 2023; Urick, Hollensbe, Masterson et al., 2017), посвящённые изучению социально-психологического компонента генерационной поляризации.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов в учебном процессе при преподавании следующих дисциплин: *лексикология английского языка* – в рамках изучения семантики неологизмов, их прагматических и оценочных характеристик; *стилистика и прагматика английского языка* – для демонстрации функционирования генерационно маркированной лексики в различных дискурсивных регистрах (медиа, политика, повседневное общение); *социолингвистика* – при анализе языковой поляризации между поколениями, влияния социальных факторов на формирование и употребление лексических единиц; *когнитивная лингвистика* – в контексте исследования механизмов концептуализации и дискурсивной трансформации генерационных неологизмов; *переводоведение* – для иллюстрации сложности перевода культурно и когнитивно нагруженных единиц.

Обсуждение и результаты

Современные подходы к изучению языковой поляризации и когортной идентичности формируют сложную междисциплинарную картину, где пересекаются когнитивные, социолингвистические, прагматические и культурологические перспективы. Сопоставительный анализ работ западных и отечественных исследователей позволяет увидеть общую тенденцию: язык перестаёт быть только описательным средством и становится активным механизмом социальной стратификации, особенно в условиях генерационной дифференциации.

Так, в западной исследовательской традиции (Privett, 2023; Szydlík, 2023; Urick, Hollensbe, Masterson et al., 2017) языковая поляризация рассматривается как символическая форма конфликта, в которой лексика выполняет функцию идеологического размежевания. М. Urick (Urick, Hollensbe, Masterson et al., 2017) вводит понятие *“multiparadigm perspective”* («*мультипарадигмальная перспектива*»), где каждая когорта выстраивает собственную дискурсивную вселенную, непересекаемую с соседними поколениями. Ch. Privett (2023) и M. Szydlík (2023) анализируют лингвистическую составляющую межпоколенческой риторики как форму латентной социальной оппозиции, в которой экспрессивная лексика (включая неологизмы) служит идентификационным якорем и средством создания дистанции.

В отечественной лингвистической традиции (Апресян, 2017) поляризация трактуется как шкалярная семантическая характеристика, проявляющаяся в степени оценочности и модальной нагруженности языковых

единиц. Согласно В. Ю. Апресян (2017), чем «весомее» модальная рамка, тем выше степень поляризованности. Эти параметры особенно значимы при анализе единиц, функционирующих в контекстах стигматизации, отрицания или коммуникативного напряжения. В. И. Теркулов и Т. Ю. Тамерьян (2023), в свою очередь, рассматривают языковую идентичность как устойчивое психическое состояние, формирующееся в процессе осознанной или неосознанной когнитивной идентификации, и подчёркивают её социокультурную детерминированность, что может быть релевантным при интерпретации когортно маркированных языковых инноваций.

Таким образом, несмотря на различия в подходах, все рассмотренные исследования, как западные, так и отечественные, сходятся в признании ключевой роли языка как инструмента когнитивного и социального разграничения. В англоязычной традиции акцент делается на прагматико-дискурсивной функции генерационных лексем, выполняющих роль прагматических триггеров идентичности, отражающих поведенческие и ценностные установки когорты. В отечественной парадигме, напротив, превалирует семанτικο-когнитивная трактовка, в рамках которой неологизмы анализируются как маркеры различий в концептуализации мира и как носители скрытых идеологических пресуппозиций.

Следовательно, в условиях нарастающей символической фрагментации общества генерационно маркированные неологизмы представляют собой комплексные языковые единицы, сочетающие модальность, когнитивную селективность и социокультурную прагматику. Именно благодаря этому они становятся не только лексической инновацией, но и полноценным механизмом репрезентации и закрепления поколенческой границы в современном межпоколенческом дискурсивном поле.

В целях систематизации и углублённого анализа отобранный нами эмпирический массив был структурирован по 4-м тематическим кластерам, отражающим ключевые зоны межпоколенческой поляризации: **поколенческая самоидентификация и его ценностно-мировоззренческая ориентация, социально-экономическое положение, семейные взаимодействия и гендерная идентичность**. Такая кластеризация позволяет выявить семантические и прагматические закономерности функционирования генерационных неологизмов в различных сферах социокультурного конфликта, а также проследить механизмы символического разграничения, характерные для когнитивной модели лингвистического сознания разных поколений.

При отборе генерационных неологизмов в рамках настоящего исследования учитывались следующие критерии: во-первых, их *частотность и устойчивость* в современных англоязычных дискурсивных практиках; во-вторых, *эксплицитная когортная маркированность*, выраженная в прямой или имплицитной отнесённости к определённой возрастной группе; в-третьих, *наличие стереотипизирующей или конфликтной семантики*, проявляющейся в употреблении неологизмов в контексте межпоколенческой иронии, дистанцирования или идеологической оценки. Такие критерии позволяют вычленить лексемы с наибольшим поляризующим потенциалом и сделать выборку максимально релевантной поставленной цели.

Тематический кластер «поколенческая самоидентификация и его ценностно-мировоззренческая ориентация»

Один из репрезентативных генерационных неологизмов с выраженной конфликтной и когортной маркированностью – **Generation Me** (Поколения Я). Данная неолексема используется преимущественно представителями старших поколений, бэби-бумерами и поколением X для негативной характеристики молодёжи, репрезентирующей поколение Y. Она закрепляет оппозицию между «ответственными взрослыми» и «эгоцентричными молодыми» и выполняет функцию символического разграничения когорты.

Семантически *Generation Me* ассоциируется с индивидуализмом, нарциссизмом, потребительской ориентацией и дефицитом социальной зрелости. Наиболее частотные контексты его употребления связаны с критикой «культуры потребления». Коннотации лексемы устойчиво негативны: *“self-indulgent”* (потакующий своим желаниям), *“spoiled”* (избалованный), *“entitled”* (высокомерный). Частотные коллокации включают: *“culture of greed”* (культура жадности), *“narcissistic youth”* (самовлюблённая молодёжь), *“you know generation”* (поколение «ну ты понимаешь»), что усиливает эффект ироничной дистанции (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – М. Х.).

Так, в одном из примеров из корпуса Sketch Engine подчёркивается:

“The Generation Me is marked as a culture of greed and self-indulgence. I would add to the identity of most young adults up to 40-something, even the teens, the most overworked expression in their vocabulary, ‘you know’. Just count how many times a young person, including radio and TV commentators, slips in ‘you know’ into nearly every sentence” (<http://www.sddt.com/Commentary/article>). / «Поколение Я характеризуется как культура жадности и потакания своим желаниям. Я бы добавил к этому портрету большинства молодых людей до сорока с лишним лет, включая подростков, их любимое, до предела затёртое выражение – “ну знаешь”. Посчитайте, сколько раз молодой человек, включая ведущих на радио и телевидении, вставляет “ну знаешь” почти в каждое предложение». Этот фрагмент демонстрирует типичную стратегию дискредитации – от обобщающих оценок «культура жадности и самолюбования» до стилистических маркеров «речевой несерьёзности» (частотная вставка “you know”). Таким образом, негативная когнитивная рамка подкрепляется как семантически, так и прагматически, формируя устойчивый образ когортной поляризации.

Прагматически анализируемая неолексема не просто называет, но оценивает и формирует когнитивную границу между поколениями. Внутри молодёжного дискурса она может использоваться иронично, как форма самодистанцирования или демонстративного принятия ярлыка, что свидетельствует о семиотической адаптивности конструкции.

На фоне устойчивой дискурсивной рамки, сформированной старшими поколениями и закодированной в неологизме *Generation Me* как маркере инфантильности и нарциссизма, всё чаще появляется контр-нарратив, выдвигаемый самими представителями молодёжных когорт.

Приведём соответствующий пример из корпуса Sketch Engine, где предпринимается попытка переопределения от индивидуалистической модели к модели вовлечённого, социально ответственного субъекта:

“Generation Me is also Generation Wii: It is too simplistic to classify the youth of today as the narcissistic Generation Me. As a polar opposite to this gross generalization, today’s youth also maintain the core element of the age-old adolescent experience – searching for a place to belong in this world. </s><s> Couple this with today’s generation’s desire to make a difference in the world, and empowered by their access to technology as never before, today’s youth are actively choosing not just where and how they belong in the world, but also contributing to this world like no other generation has ever been capable of doing” (<https://ejewishphilanthropy.com/the-revolution-before-our-eyes/>). / «Поколение Я – это ещё и Поколение Wii (Поколение Мы). Слишком уж примитивно сводить нынешнюю молодёжь к нарциссическому “Поколению Я”. На деле всё куда глубже: сегодня молодые по-прежнему переживают древнее, как мир, чувство – ищут своё место в этом мире. А если добавить к этому их стремление реально изменить окружающую действительность и невиданные прежде технологические возможности, то становится ясно: они не просто выбирают, где и как им жить, но и вносят свой вклад в этот мир так, как не удавалось ни одному поколению до них».

Семантически данный текст предлагает переосмысление негативного клише, трансформируя его в форму позитивной самоидентификации. Неологизм *Generation Me* переосмысливается через игру слов – *Generation Wii* (ироничная неониминация, образованная на игре слов с названием видеопроставки *Nintendo Wii* (символ коллективной, совместной игры) и звучанием слова “we” («мы»)), – где фонетическая омонимия (Me – Wii) сочетается с отсылкой к культуре совместной игры и технологической социализации. Это создаёт семиотическую оппозицию: индивидуализм против коллективности, потребление против вклада.

Прагматически такая реплика демонстрирует стратегию дискурсивной самообороны: молодёжное поколение отказывается от навязанной идентичности и выдвигает альтернативную когнитивную модель – активное участие, цифровую вовлечённость и социальную ответственность.

Таким образом, мы наблюдаем параллельное существование двух конфликтующих концептуализаций одного и того же поколения, отражающих двойственную природу неологизмов с когортной маркированностью: они не только фиксируют внешнюю оценку, но и выступают инструментом переосмысления и защиты когортной идентичности в публичном дискурсе.

Следует отметить, что языковая поляризация проявляется не только в межпоколенческом контексте, но и внутри самих когорт, формируя внутреннюю семантическую и идеологическую напряжённость. Даже в пределах одной генерации, в частности, *Millennials*, наблюдается расщепление дискурсивных стратегий, в которых одни представители принимают и воспроизводят внешние стереотипы, тогда как другие стремятся их опровергнуть или переопределить. Такая амбивалентность отражает сложную динамику когнитивной самоидентификации и свидетельствует о том, что генерационные неологизмы могут функционировать не только как маркеры оппозиции между когортами, но и как инструменты внутреннего самоосмысления, рефлексии и символической борьбы за интерпретацию собственной идентичности.

В подтверждение рассмотрим примеры из корпуса Sketch Engine:

“They’re sociable, optimistic, talented, well-educated, collaborative, open-minded, influential, and achievement-oriented. </s><s> They’ve always felt sought after, needed, indispensable. </s><s> They are arriving in the workplace with higher expectations than any generation before them – and they’re so well connected that, if an employer doesn’t match those expectations, they can tell thousands of their cohorts with one click of the mouse. </s><s> They’re the Millennial Generation” (<https://tomorrowtodayglobal.com/2011/07/20/managing-millennials-2/>). / «Они общительные, оптимистичные, талантливые, хорошо образованные, умеющие работать в команде, открытые новому, влиятельные и нацеленные на успех. Они всегда чувствовали, что их ценят, что они нужны и незаменимы. Сейчас они приходят на рабочие места с более высокими ожиданиями, чем любое поколение до них, – и настолько хорошо связаны между собой, что, если работодатель не оправдает этих ожиданий, они за один клик могут рассказать об этом тысячам своих ровесников. Это поколение миллениалов».

“Millennials are officially adults, sitting in the 21-36 age range. </s><s> They’re establishing families and careers, and they’re entering leadership roles. </s><s> To the surprise of baby boomers and Gen X, these tech-savvy goofballs could soon be their bosses, if they aren’t already. </s><s> The eldest half of the millennial generation have about a decade of work experience and are already building their leadership experience, so there’s no better time to talk about effective communication for this new generation of leaders” (<https://tomorrowtodayglobal.com/2011/07/20/managing-millennials-2/>). / «Миллениалы – это уже официально взрослые люди в возрасте от 21 до 36 лет. Они создают семьи, строят карьеру и начинают занимать руководящие должности. К удивлению бэби-бумеров и поколения X, эти технологически подкованные весельчаки вполне могут стать их начальниками – если ещё не стали. Старшая часть поколения миллениалов уже имеет около десяти лет трудового стажа и активно набирается управленческого опыта, так что сейчас самое время говорить об эффективной коммуникации для нового поколения лидеров».

“By contrast, Gen Xers and Millennials are far more skeptical in assessing the strengths of their generations. </s><s> And Millennials, in particular, stand out in their willingness to ascribe negative stereotypes to their own generation: 59% say the term ‘self-absorbed’ describes their generation, compared with 30% among Gen Xers, 20% of Boomers and just 7% of Silents. </s></p><p><s> To be sure, some of these differences may be related more to age and life stage than to the unique

characteristics of today's generations" (<https://www.pewresearch.org/politics/2015/09/03/most-millennials-resist-the-millennial-label/>). / «В отличие от них, представители поколения X и миллениалы гораздо скептичнее оценивают сильные стороны своего поколения. Особенно выделяются миллениалы – они с удивительной готовностью приписывают своему поколению негативные стереотипы: 59% считают, что выражение «зациклены на себе» вполне их описывает, тогда как среди поколения X с этим согласны 30%, среди бэби-бумеров – 20%, а среди молчаливого поколения – лишь 7%. Разумеется, часть этих различий может объясняться скорее возрастом и этапом жизни, чем уникальными чертами конкретных поколений».

Представленные фрагменты отражают важную черту когнитивной и прагматической амбивалентности генерационных неологизмов. Миллениалы как целевая когорта одновременно репрезентируются в позитивных и иронично-критических регистрах. С одной стороны, доминируют хвалебные атрибуты – “sociable” (общительный), “optimistic” (оптимистичный), “talented” (малантливый), “collaborative” (умеющий работать в команде), – позиционирующие поколение как ценный ресурс и носителей новых профессиональных стандартов. С другой стороны, присутствует ироничное напряжение, проявляющееся в неожиданной для старших поколений смене ролей – “these tech-savvy goofballs could soon be their bosses” / эти технологически подкованные весельчаки вскоре могут стать их начальниками, что маркирует тревожность по поводу трансформации и размывания традиционных иерархий и утраты символического контроля.

Семантически выделяется разрыв между самовосприятием и внешней оценкой: миллениалы сами осознают негативные стереотипы в свой адрес – “self-absorbed” (эгоцентричный), “entitled” (высокомерный) – и демонстрируют рефлексивную готовность признать когортные недостатки. Это создаёт сложный контекст поляризации, где поколение одновременно принимает и отторгает ярлыки, вступая в противоречие с внешними оценками и внутренними ожиданиями.

Прагматически подобные примеры представляют собой символическое поле поколенческой борьбы: признание негативных характеристик сочетается с претензией на лидерство.

Таким образом, даже при отсутствии прямой конфронтации наблюдается латентная поляризация: язык фиксирует парадигмальный сдвиг от внешней стигматизации к самоироничной идентичности, в рамках которой поколение усваивает и трансформирует навязанные характеристики. Это, в свою очередь, усложняет процесс когортной поляризации и частично размывает жёсткие символические границы.

Следующий пример генерационного неологизма с выраженным конфликтным потенциалом – **Snowflake Generation** (поколение снежинок, ранимое поколение). Данная лексема, активно циркулирующая в англоязычном медиадискурсе с середины 2010-х годов, преимущественно используется представителями старших когорт (Boomers и Gen X) для критической характеристики молодёжи, в первую очередь миллениалов и поколения Z. Она выполняет прагматическую функцию символического отторжения, маркируя молодое поколение как излишне ранимое, обидчивое и эмоционально нестабильное.

Семантически *Snowflake Generation* формирует устойчивую негативную рамку, в которой молодёжь описывается через такие лексемы, как “overly sensitive” (чрезмерно чувствительный), “easily offended” (обидчивый), “emotionally fragile” (эмоционально хрупкий), “entitled” (высокомерный), “lacking resilience” (недостаточно стойкий). В корпусных источниках и медиакомментариях устойчиво закреплены коллокации “triggered culture” (чувствительность к потенциально обидным темам), “safe spaces” (территория, где исключается критика, агрессия и токсичность), “can’t take a joke” (не уметь воспринимать шутки), “drama queens” (любители раздувать из мухи слона). Подобные выражения усиливают эффект ироничного дистанцирования и демонстрируют установку на дискредитацию ценностей эмоциональной открытости, характерных для молодёжных когорт.

Так, в одном из комментариев пользователя социальной сети Reddit под ником Ralph_Nacho (представителя поколения Boomers) утверждается: “Your generation is far too easily offended by any little thing and you freak out calling out ‘harassment or hate speech’ when someone even compliments! [...] You lack compassion for others, even if you claim you do” (https://www.reddit.com/r/GenZ/comments/17mgsu2/why_is_our_generation_considered_the_snowflake/?). / «Ваше поколение обижается буквально на любую мелочь и закатывает истерику, крича о “домогательствах” или “языке вражды”, даже когда вам просто делают комплимент! [...] Вы лишены сочувствия к другим, как бы ни утверждали обратное». Это высказывание иллюстрирует риторику осуждения, в которой чувствительность подаётся как форма социальной незрелости, а борьба за справедливость – как проявление нарциссизма.

Противоположную точку зрения выражают представители самого поколения, на которое направлен ярлык. Так, пользователь Reddit Ill-Character7952 замечает: “Because we actually care about others’ feelings” (https://www.reddit.com/r/GenZ/comments/17mgsu2/why_is_our_generation_considered_the_snowflake/?). / «Потому что нам действительно не всё равно, что чувствуют другие». А в статье *The Guardian* автор Maya McEwan, представитель поколения Boomers, наоборот, переосмысляет стереотип, утверждая: “The ‘snowflake generation’ are brave to display their sensitivity” (<https://www.theguardian.com/society/2022/nov/27/the-snowflake-generation-are-brave-to-display-their-sensitivity>). / «Представители “поколения снежинок” смело демонстрируют свою эмоциональность». Эти примеры показывают стратегию когортной контррепрезентации: неологизм *Snowflake* переопределяется из позиции уязвимости в позицию моральной силы и этической эмпатии.

Прагматически это отражает структуру конфликта: старшие поколения оперируют языком жёсткости и рациональности, а молодёжь – языком заботы и социальной ответственности.

Таким образом, *Snowflake Generation* выступает маркером межкогортной поляризации, в которой происходит столкновение ценностных ориентиров и моделей желаемого социального поведения.

Рассмотренные генерационные неологизмы демонстрируют не только устойчивую когнитивную рамку, но и внутреннюю динамику, связанную с изменением значений в зависимости от дискурсивного контекста

и социолингвистической позиции коммуникантов. В этой связи продуктивным представляется применение метода динамического концептуального моделирования, направленного на выявление временной эволюции значений, реконструкцию когнитивных сценариев и анализ прагматических функций неолексем в различных когортных регистрах.

Применительно к лексемам *Generation Me* и *Snowflake Generation* можно выделить следующие ключевые этапы концептуальной трансформации:

1. Этап первичной концептуализации (внешняя маркировка)

На начальной стадии оба неологизма функционируют как лингвистические ярлыки, формируемые преимущественно старшими когортами. Их семантическое ядро содержит элементы негативной оценки: *Generation Me* обозначает индивидуализм, нарциссизм, потребительство, эмоциональную незрелость; *Snowflake Generation* манифестирует ранимость, уязвимость, гиперчувствительность и неспособность к адаптации.

На этом этапе когнитивный сценарий строится по схеме: *молодёжь – девиация от нормы – угроза социальной устойчивости*.

2. Этап ироничного внутрикогортного переосмысления

Постепенно в молодёжных сообществах формируется стратегия контррепрезентации, предполагающая ироничное принятие ярлыка с целью его трансформации. В случае с *Generation Me* появляется альтернативная конструкция *Generation Wii*, акцентирующая коллективизм, цифровую солидарность и волонтёрскую активность. *Snowflake* переосмысливается как маркер эмпатии, моральной зрелости и способности к этически мотивированным действиям.

Таким образом, происходит смещение рамки от стигматизации к символической переоценке: *да, мы такие – и это наш выбор*.

3. Этап двойной маркировки (амбивалентное функционирование)

На данном этапе обе лексемы сосуществуют в двух параллельных концептуальных полях: как средства внешней критики и символического отчуждения; как элементы самоиронии, рефлексии и когнитивной легитимации внутри молодёжного дискурса.

Появляется амбивалентная функция: один и тот же знак может одновременно выполнять дискредитирующую и интегративную роль.

4. Результирующее когнитивное напряжение

Обе лексемы становятся индикаторами социолингвистической поляризации: в межкогортной перспективе – как символы конфликта ценностей и моделей взрослости; во внутрикогортной – как ресурсы для переосмысления, саморефлексии и защиты символических границ.

Динамическое концептуальное моделирование в данном случае позволяет не только зафиксировать дискурсивные изменения, но и проследить, как лексемы переходят из режима стигматизации в модус когнитивной трансформации и прагматического сопротивления.

Тематический кластер «социально-экономическое положение»

Генерационный неологизм *Boomerang Generation* (поколение бумерангов) – один из наиболее ярких неологизмов, отражающих социально-экономическую нестабильность, с которой сталкивается молодое поколение. Неолексема обозначает молодых взрослых поколения Y, которые после попытки обрести независимость вынуждены возвращаться в родительский дом, как правило, из-за финансовых трудностей, студенческих долгов или нестабильного рынка труда. Однако семантическая нагрузка этого термина выходит далеко за рамки нейтрального обозначения социального явления: он маркирует когортную стигму, где возвращение трактуется как признак неуспешности и инфантильности.

Проанализируем два примера из онлайн-словаря Urban Dictionary, демонстрирующие конфликтогенный потенциал термина:

“Older adult: ‘How come you haven’t found any work yet??!! Do you think a job’s just gonna land on your lap??!!’ – Boomerang Generation kid’s thoughts: ‘Do YOU??!! Don’t you realize we don’t have it as easy as your generation, given the increased competition and the state of the economy, which you complain about a lot but yet don’t truly seem to understand how it affects people??!!’ (<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Boomerang%20Generation%20>). / «Взрослый человек: “Почему ты до сих пор не нашёл работу??!! Думаешь, она сама к тебе в руки придёт??!!” – Мысли представителя поколения “бумеранг”: “А вы так не думаете??!! Вы вообще понимаете, что у нас всё не так просто, как было у вас – учитывая бешеную конкуренцию и состояние экономики, на которое вы постоянно жалуетесь, но, похоже, даже не до конца осознаёте, как это сказывается на людях??!!”.

“Old Rich White Man: ‘Why don’t you get a job, you lazy bum? Do something with your pathetic life instead of drinking 40’s with your homies all day. And have the respect not to drink in front of your mother’s house. I hate the boomerang generation’” (<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Boomerang%20Generation%20>). / «Старый богатый белый мужчина: “Почему ты не устроишься на работу, ленивый бездельник? Сделай хоть что-то со своей жалкой жизнью, вместо того чтобы весь день пить пиво с друзьями. И имей уважение – не пей у дома своей матери. Терпеть не могу поколение бумерангов”». Эти фрагменты демонстрируют типичную дихотомическую рамку, где старшее поколение определяет молодёжь как социально несостоятельную и морально деградирующую группу, приписывая ей отсутствие мотивации и жизненной стойкости. Семантически лексема “boomerang” становится не просто метафорой возвращения, но и символом несамостоятельности, порождая устойчивые

словосочетания типа “*lazy youth*” (ленивая молодёжь), “*financial parasites*” (нахлебники), “*living in mom’s basement*” (не покинувшие родительский дом).

Прагматически использование термина выполняет функцию социальной иерархизации: родительское поколение утверждает своё превосходство как «тех, кто смог», одновременно минимизируя или игнорируя структурные причины экономической неустойчивости молодёжи. Возмущённые реакции представителей молодого поколения, в свою очередь, демонстрируют стратегию когнитивной контратакующей репрезентации: фокус на объективных экономических барьерах, таких как безработица и неравенство, переопределяет поведение не как личную слабость, а как адаптационную необходимость.

Таким образом, *Boomerang Generation* не просто обозначение социологической категории, а дискурсивный инструмент когортной стигматизации и сопротивления, в котором язык фиксирует структурное неравенство, маскируемое под личную неуспешность. Данные примеры подчёркивают, что генерационные неологизмы не только отражают, но и усиливают социальные напряжения, выступая в роли медиаторов когнитивной поляризации между поколениями.

Следующий генерационный неологизм, отражающий конфликтный потенциал и когортную маркированность, – ***Latchkey Generation*** (поколение с ключом на шее; поколение, представители которого вынуждены оставаться дома одни после школы из-за работающих родителей). Данная неологическая номинация применяется в отношении представителей поколения X, чьё детство пришлось на 1970-1980-е годы – период социально-экономических трансформаций, характеризующийся ростом занятости женщин и увеличением числа неполных семей. Семантически лексема *latchkey* (ключ от дома на шее ребёнка) метафоризирует образ самостоятельности, заброшенности и вынужденной взрослости в условиях отсутствия родительского контроля. Прагматически этот неологизм формирует когнитивную рамку поколения, выросшего в условиях дефицита эмоциональной поддержки и вынужденной адаптации.

Примеры из корпуса Sketch Engine иллюстрируют это представление:

“*The growing number of households where both parents worked coupled with more single parent households gave rise to the latchkey generation*” (<https://www.carrollu.edu/articles/flrst/spring-2019/end-of-play>). / «Рост числа семей, где оба родителя работали, наряду с увеличением числа семей с одним родителем, дал начало поколению “ключей на шее”».

“*Our moms worked, we ate processed foods, we were left to fend for ourselves, so we did*” (<https://www.carrollu.edu/articles/flrst/spring-2019/end-of-play>). / «Наши мамы работали, мы ели полуфабрикаты, нас оставляли одних, и нам приходилось справляться самостоятельно – вот мы и справлялись».

Здесь языковая рамка строится вокруг нарратива вынужденной автономии, самостоятельности и адаптации: “*fend for ourselves*” (справляться самостоятельно), “*ate processed foods*” (есть полуфабрикаты), “*our moms worked*” (наши мамы работали). Однако, в ретроспективе, представители поколения X, уже ставшие родителями, демонстрируют противоположную стратегию воспитания, в которой выражается поляризация не только с предыдущими, но и с последующими когортами:

“*But by the time those latchkey kids became parents themselves, the pendulum had swung in the other direction*” (<https://www.carrollu.edu/articles/flrst/spring-2019/end-of-play>). / «Но к тому времени, как дети поколения ключей на шее сами стали родителями, маятник качнулся в обратную сторону».

“*We are helicopter parenting way more than ever before, she noted, micro-managing the minutes in our children’s days*” (<https://www.carrollu.edu/articles/flrst/spring-2019/end-of-play>). / «Сегодня мы проявляем гиперопеку сильнее, чем когда-либо прежде, – отметила она, – управляя каждой минутой в расписании наших детей».

“*Kids are involved in so many structured activities today in part because if they aren’t, we feel we’re being bad parents*” (<https://www.carrollu.edu/articles/flrst/spring-2019/end-of-play>). / «Дети загружены множеством кружков и секций, потому что нам кажется: если этого нет – значит, мы плохие родители».

Эти примеры демонстрируют семантический сдвиг от “*autonomy*” (самостоятельность) и “*neglect*” (невнимание) к “*overprotection*” (чрезмерная опека) и “*hypercontrol*” (гиперконтроль), тем самым создавая символическое напряжение между поколениями. Бывшие *Latchkey*-дети, столкнувшись с отсутствием поддержки, компенсируют это гиперопекой в отношении собственного потомства. Это формирует новую когнитивную рамку гиперопеки, в которой дети утрачивают свободу и оказываются под чрезмерным контролем.

В другом контексте *Latchkey Generation* репрезентируется через язык утраты и маргинализации:

“*You know us – we’re the latchkey generation. The losers that are said to be the first bunch ‘o chumps to have less wealth than our parents*” (<https://bitchin suburbia.com/dear-world-stop-making-fun-of-the-80s-xo-genx/>). / «Вы же нас знаете – мы поколение с ключом на шее. Те самые неудачники, про которых говорят, что мы первые, кто окажется беднее своих родителей».

“*The measly 50 million or so that are bookended by ‘The Greatest Generation’ (Baby Boomers, approximately 80 million) and the talk of the town, the Millennials (approximately 78 million)*” (<https://bitchin suburbia.com/dear-world-stop-making-fun-of-the-80s-xo-genx/>). / «Жалкие пятьдесят миллионов, зажатые между “величайшим поколением” (бэби-бумерами, около 80 миллионов) и звёздами нашего времени – миллениалами (около 78 миллионов)».

Лексемы “*losers*” (неудачники), “*chumps*” (простачки, тюфяки), “*measly*” (жалкие), “*bookended*” (зажатые между), “*less wealth than our parents*” (беднее своих родителей) маркируют поколенческую фрустрацию и восприятие системного социально-экономического неравенства. Конфликт здесь строится на межкогортной диспозиции: поколение X описывает себя как «затерянное» между величием *Boomers* и заметностью *Millennials*. Такая дискурсивная позиция усиливает восприятие несправедливого распределения исторической роли.

Таким образом, неологизм *Latchkey Generation* выступает как символ социальной автономии, лишённой поддержки, и одновременно маркер исторической незаметности. Он продуцирует поляризацию на двух уровнях: во-первых, по линии поколений (через дискурсы обвинения, компенсации и социальной изоляции), во-вторых, внутри когортного самовосприятия как «поколения между», не обладающего собственным голосом и ресурсом.

Отметим, что поляризация внутри одной когорты – сложный и закономерный социолингвистический и когнитивный процесс. Внутрикогортная поляризация возникает как результат наложения сразу нескольких факторов: социально-экономических различий, неоднородности жизненного опыта, уровня образования, медиапотребления, а также различий в восприятии навязанных идентичностей.

В лингвистическом аспекте это проявляется в расщеплении дискурсивных стратегий. Такое семантическое расщепление указывает на отсутствие единого дискурсивного ядра и на то, что «поколение» как категория не гомогенная, а дискурсивно и социально сконструированная группа, внутри которой идёт борьба за интерпретацию идентичности.

В этом смысле генерационные неологизмы становятся не просто внешними ярлыками, но и ареной внутреннего конфликта, где одни усваивают, другие отвергают или переопределяют навязанные смыслы.

Применительно к лексемам *Boomerang Generation* и *Latchkey Generation* можно выделить следующие ключевые этапы концептуальной трансформации:

1. Этап первичной концептуализации (внешняя маркировка)

На начальной стадии оба неологизма формируются как внешние когортные ярлыки, транслируемые преимущественно старшими поколениями и медиа-дискурсом. Их семантическое ядро включает элементы социальной девальвации: *Boomerang Generation* ассоциируется с инфантильностью, несамостоятельностью, экономической неуспешностью, паразитизмом по отношению к родительским ресурсам; *Latchkey Generation* маркируется через образы заброшенности, ранней взрослости, дефицита родительской опеки и эмоциональной поддержки.

На этом этапе когнитивный сценарий строится по схеме: *молодое поколение – отклонение от социальной нормы – следствие морального упадка / несостоятельности*.

2. Этап ироничного внутрикогортного переосмысления

Постепенно внутри самих когорт формируется стратегия когнитивной контррепрезентации, направленная на переоценку и частичную трансформацию неолексем.

В случае с *Boomerang Generation* происходит акцент на объективные экономические барьеры: студенческие долги, нестабильность рынка труда, недоступность жилья. Возвращение в родительский дом трактуется как рациональная адаптационная стратегия, а не личная неудача; *Latchkey Generation* переосмысливается как поколение закалённых, самостоятельных и приспособленных к реалиям людей, сумевших вырасти в условиях нехватки поддержки.

Таким образом, стигматизирующая рамка трансформируется в модель когнитивной компенсации: *Да, нам было трудно – и именно это нас сформировало*.

3. Этап двойной маркировки (амбивалентное функционирование)

На этом этапе обе лексемы начинают функционировать в амбивалентных регистрах: в межпоколенческом дискурсе сохраняется их критико-дискредитирующая функция; во внутрикогортном они выступают как элементы иронической саморепрезентации, генерационного солидаризирующего ресурса.

Так, *Boomerang* может звучать не только как обвинение, но и как ироничное самоназвание; *Latchkey* – как образ утраты и одновременно как знак стойкости. Одна и та же лексема может служить средством как внешней иерархизации, так и внутреннего утверждения идентичности.

4. Результирующее когнитивное напряжение

Обе лексемы становятся индикаторами когнитивной и дискурсивной поляризации: в межкогортной перспективе – как символы социального непонимания, конфликтов поколенческой памяти и расхождения ценностных моделей; во внутрикогортной – как ресурсы когнитивной рефлексии, переопределения идентичности и борьбы за символическое признание.

Динамическое концептуальное моделирование в данном случае демонстрирует, как генерационные неологизмы переходят от стигматизирующего ярлыка к амбивалентному знаку, в котором сходятся внешняя критика и внутренняя идентичностная работа. Это подчёркивает не только эволюцию лексических значений, но и глубинную социокогнитивную напряжённость между когортами и внутри них.

Тематический кластер «семейные взаимодействия»

Проанализируем неолексему, отражающую как когнитивные установки, так и трансформации ролевых моделей в семье, *hotel of Mum and Dad* (отель Мама и Папа). Данная лексема, устойчиво циркулирующая в англоязычном молодежном дискурсе, представляет собой ироничную метафору, обозначающую временное возвращение молодых взрослых (в первую очередь студентов) в родительский дом, преимущественно в периоды учебных каникул или финансовых затруднений. Поведение, описываемое данным выражением, типично для представителей поздних миллениалов и раннего поколения Z, находящихся на стадии образовательного или раннего карьерного трека. На прагматическом уровне неологизм выполняет несколько функций: во-первых, маркирует зависимость от родителей, во-вторых, эксплицирует ожидание комфорта, ухода и безусловной поддержки, трансформируя образ родительского дома в метафорический «отель». Репрезентация родителей

как обслуживающего ресурса обнажает скрытую когнитивную иерархию внутри семейных отношений и тем самым активирует дискурсивный потенциал латентного конфликта поколений.

Так, в одном из типичных контекстов употребления говорится: *“Reading week is upon us and I for one am ready to return to the hotel of Mum and Dad. I plan to go home for properly cooked food, hot showers and enough attention to last me while back at uni, and then run away before I settle in too much”* (<https://www.concrete-online.co.uk/back-hotel-mum-dad/>). / «Неделя подготовки к экзаменам наступила, и лично я уже готов вернуться в отель «Мама и Папа». Я собираюсь поехать домой – поест нормальной еды, принять горячий душ и получить достаточно внимания, чтобы потом с этим запасом вернуться в универ, а затем сбежать, пока не прикипел слишком сильно».

Семантически реплика активирует образы бытовой и эмоциональной зависимости: родители здесь функционируют как поставщики ресурсов (еда, комфорт, забота), тогда как субъект позиционирует себя как временного потребителя этих благ. Прагматически подчёркивается избегание символического воссоединения с семьёй – *“run away before I settle in too much”* / «сбежать, пока не прикипел слишком сильно», – что свидетельствует о напряжённости между нормативной взрослой независимостью и экономической уязвимостью.

Поляризация проявляется на межпоколенческом уровне: родительская когорта может воспринимать такую ролевую дихотомию как свидетельство инфантильности и неблагодарности, в то время как молодое поколение – как вынужденную адаптацию к неравенству. Репрезентация родителей как «отеля» формирует иерархический перекося, в котором ресурс родительского поколения редуцируется до функции поддержки, не предполагающей встречного участия. Это приводит к латентному символическому конфликту, где родительская модель «ответственного взрослого» вступает в противоречие с молодёжной стратегией временного экономического «выживания».

В научном анализе данный случай может быть интерпретирован как пример перекрёстной тематической принадлежности, демонстрирующий, что в современных генерационных неологизмах границы между кластерами всё чаще становятся размытыми. Это свидетельствует об усложнении когнитивных карт и о растущем пересечении личного, экономического и культурного в языковом осмыслении поколенческих процессов.

Следующий генерационный неологизм, репрезентативный для тематического кластера «семейные взаимодействия» и демонстрирующий выраженный конфликтогенный потенциал, – **Disney Dad** (*Воскресный отец*). Эта лексема, устойчиво циркулирующая в англоязычном молодёжном и семейном дискурсе, используется преимущественно для обозначения отца, проживающего отдельно от ребёнка (чаще в условиях постразводного родительства), который фокусируется на развлекательной стороне общения с ребёнком, избегая повседневной ответственности за воспитание, дисциплину и образовательные обязанности. Семантически данный неологизм обладает амбивалентной оценочной нагрузкой, варьирующейся в зависимости от когортного восприятия и коммуникативной позиции говорящего.

Так, в одном из примеров из онлайн-словаря Urban Dictionary неологема *Disney Dad* описывается подростком следующим образом:

“The best dad there is. He does the most coolest and entertaining things with you and doesn’t fret over the littlest things. [...] If you have a Disney Dad, consider yourself lucky (especially if you’re a kid)” (<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Disney%20Dad%20>). / «Лучший папа на свете. С ним всегда весело – он придумывает классные развлечения и не делает трагедии из мелочей. Если у тебя воскресный папа – считай, тебе повезло (особенно если ты ещё ребёнок)».

В этом высказывании лексема маркируется позитивными коннотациями: *“coolest”* (самые классные), *“entertaining”* (развлечения), *“lucky”* (везучий) и выступает как символ эмоциональной доступности, снисходительности и приятного времяпрепровождения. Прагматически такая оценка отражает когнитивные ожидания юных представителей поколения Z, для которых ценность родительства ассоциируется прежде всего с досуговой составляющей, а не с дисциплинарной или педагогической функцией.

В противоположность этому, в другом определении, опубликованном взрослой женщиной, *Disney Dad* предстает как символ уклонения от обязательств:

“The child spent all weekend at dad’s ‘playing’ and comes home to his custodial parent with a backpack full of homework. [...] The child suffers because of his selfishness and unwillingness to put his child’s needs first” (<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Disney%20Dad%20>). / «Ребёнок проводит у отца выходные в развлечениях, а возвращается к основному родителю с рюкзаком, полным невыполненных заданий. [...] В итоге страдает сам ребёнок – из-за эгоизма отца и его нежелания ставить потребности ребёнка выше собственных».

Здесь неологизм маркирует родительскую неэффективность, эмоциональный эгоизм и символическую дистанцию от повседневной нагрузки, связанной с воспитанием. Лексемы *“selfishness”* (эгоизм), *“suffers”* (страдает), *“unwillingness”* (нежелание), а также прагматическая рамка обвинения и нарратива о неравном распределении ответственности формируют негативную когортную оценку поведения, закрепляя модель некомпетентного или демонстративного отца, способного лишь к поверхностному взаимодействию с ребёнком.

Таким образом, *Disney Dad* репрезентирует двойную когнитивную рамку. В восприятии ребёнка это родитель, создающий эмоциональный комфорт, свободный от требований и правил. В восприятии взрослого опекуна – фигура, порождающая асимметрию в распределении родительской нагрузки. Возникает устойчивая межкогортная и гендерно-когортная поляризация: между детским дискурсом, романтизирующим фигуру отца-друга, и взрослым родительским дискурсом, указывающим на социальную неравносность и ролевой дисбаланс.

Следующий генерационный неологизм, репрезентативный для рассматриваемого кластера, **Velcro parents** (*чрезмерно навязчивые родители*), представляет собой лексико-семантическую эволюцию ранее устоявшейся неологической номинации *helicopter parents* (*родители-вертолёты*). Оба неологизма используются

преимущественно в дискурсе о родительских стилях контроля и гиперопеки, но при этом *Velcro parents* усиливает образ постоянного, физически и эмоционально «приклеенного» присутствия родителя, символизируя тотальное нарушение личностной автономии ребёнка.

Примеры из корпуса Sketch Engine ярко демонстрируют дискурсивный конфликт вокруг этой неологемы. Так, в одном из фрагментов подчёркивается:

“What we are seeing is helicopter parents are turning into Velcro parents. They are completely attached to the skull of the child [...] just trying to preserve enough innocence, even though one year later they will be old enough to marry or serve in the military” (<https://www.tumblr.com/beatthebinary/tagged/books?>). / «Мы наблюдаем, как родители-вертолёты превращаются в родителей-липучек. Они буквально приклеиваются к ребёнку, неотрывно следят за каждым шагом, стараясь сохранить в нём хотя бы крупицу детской наивности, несмотря на то, что уже через год он будет в возрасте, когда можно вступать в брак или идти служить в армию».

Здесь наблюдается отчётливая ироническая интенция и критическая установка в отношении гиперопеки. Лексемы *“attached to the skull”* (не отходить ни на шаг от ребёнка), *“preserve innocence”* (сохранять наивность) создают гиперболизированную метафору удушающей заботы, при которой взрослый человек уже не может выйти из-под опеки, несмотря на формальную правоспособность. Семантический контраст между инфантилизацией (сохранение невинности) и взрослостью (брак, армия) создаёт когнитивную рамку поколенческого несоответствия: родительское поколение отказывается признавать взросление детей, тем самым подрывая их автономию.

Во втором фрагменте наблюдается попытка аналитической интерпретации:

“There are two extremes – those who are over-engaged: Helicopter parents hover, and Velcro parents won’t let go. Students need this time to learn how to stand on their own two feet” (<https://www.tumblr.com/beatthebinary/tagged/books?>). / «Существуют две крайности – родители, которые чрезмерно вовлечены: “родители-вертолёты” постоянно парят над ребёнком, а “липучки” вовсе не отпускают. А между тем студентам необходимо это время, чтобы научиться стоять на собственных ногах».

Здесь *Velcro parents* позиционируются как крайняя форма вмешательства, нарушающая функцию формирования автономии в зрелом возрасте. Выражения *“won’t let go”* (не давать свободы), *“students need to stand on their own two feet”* (студентам необходимо обрести независимость) акцентируют поляризацию между потребностью молодого поколения в самостоятельности и неспособностью старших когорт отпустить контроль. Таким образом, неологизм не просто маркирует родительское поведение, но и актуализирует межкогортную напряжённость – отказ одного поколения признать субъектный статус другого.

Особую значимость приобретает третий источник от лица самих представителей *Velcro parents*, где неологизм обретает оправдательную функцию:

“Gen-Xers may recall the phrase ‘latchkey children’. Their Silent and Boomer generation parents were caught up in their own dramas [...] The children were, to some extent, almost abandoned [...] Not surprisingly, they also had a higher general rate of trouble: teen pregnancy, drug use, crime, and so on” (https://www.oif.ala.org/from-helicopter-to-velcro/?utm_source=chatgpt.com). / «Поколение X, возможно, помнит выражение “дети с ключом на шее”. Их родители – представители Поколения Молчаливых и бэби-бумеров – были заняты собственными жизненными драмами [...] Дети же, в определённой степени, оказались почти предоставлены сами себе [...] Неудивительно, что среди них наблюдался более высокий уровень проблем: подростковые беременности, употребление наркотиков, преступность и так далее».

Здесь появляется интересный феномен поколенческой контррепрезентации. Родители из поколения X, будучи сами детьми *Latchkey Generation* – поколения, выросшего в условиях отсутствия родительской заботы, трансформируют собственную травму в установку на гиперопеку. Таким образом, *Velcro parenting* здесь объясняется как защитный механизм – компенсаторная стратегия, направленная на устранение повторения родительских ошибок прошлого. Это проявляется в нарративе, где гиперопека оправдывается страхом перед повторением *“teen pregnancy”* (подростковая беременность), *“drug use”* (употребление наркотиков), *“crime”* (преступность).

Данный сдвиг интерпретаций демонстрирует когнитивную и прагматическую поляризацию: молодёжный дискурс критикует чрезмерную вовлечённость как фактор несвободы, в то время как родительский дискурс реконструирует её как форму заботы, выстраивая альтернативную рамку моральной и эмоциональной ответственности.

Таким образом, неологизм *Velcro parents* становится не просто индикатором стиля воспитания, но и точкой когнитивного конфликта между поколениями: одни ощущают гиперопеку как угрожающую субъектности, другие – как моральную обязанность, вытекающую из собственной травматической биографии. Параллельно фиксируется перекрёстная когортная поляризация: поколение родителей (Gen X), выросшее в условиях эмоциональной нестабильности, стремится радикально переопределить родительскую модель, что, в свою очередь, провоцирует сопротивление и фрустрацию со стороны поколения Z. В этом конфликте неологизм выполняет роль лингвистического медиатора, фиксируя ценностный сдвиг и неустрашимое напряжение между свободой и ответственностью в семейном контексте.

Применительно к лексемам *hotel of Mum and Dad*, *Disney Dad* и *Velcro parents* можно выделить следующие ключевые этапы концептуальной трансформации:

1. Этап первичной концептуализации (внешняя маркировка)

На этом этапе каждая из лексем возникает как реакция на трансформации семейных ролей и моделей взаимодействия, отражая когнитивную иерархию, конфликты ожиданий и разрыв поколенческих норм.

Hotel of Mum and Dad маркирует молодёжь как инфантильную, экономически зависимую, воспринимающую родительский дом как ресурс без обязательств. Родители, в свою очередь, редуцируются до «персонала», обслуживающего молодых взрослых; *Disney Dad* акцентирует модель родительства, сфокусированную на развлечениях и эмоциональной лояльности, но избегающую дисциплинарной ответственности. Воскресный папа воспринимается как поверхностная, демонстративная фигура, не участвующая в воспитательной работе; *Velcro parents* репрезентируют гиперопекающих родителей, не отпускающих ребёнка в самостоятельную жизнь, нарушая тем самым границы взросления. Лексема функционирует как критика тотального родительского контроля, подавляющего субъектность молодого поколения.

На данном этапе формируется когнитивный сценарий: *девиация от нормативной роли – симптом деградации/несоответствия семейной модели*.

2. Этап ироничного внутрикогортного переосмысления

Во внутрикогортном пространстве происходит частичное переосмысление или оправдание данных ярлыков.

Hotel of Mum and Dad используется самими молодыми взрослыми с ироничной самоидентификацией, признающей зависимость как временное и вынужденное решение. Возникает дискурс самоиронии: «вернусь, получу заботу и сбегу, пока не привык».

В случае с *Disney Dad* подростки и дети воспринимают такую фигуру как желательную, противопоставляя её строгости основного родителя. Лексема наполняется позитивной оценкой (“*coolest*”, “*lucky*”), создавая альтернативный образ «друга, а не воспитателя».

Что касается *Velcro parents*, представители родительской когорты (особенно поколение X) переосмысливают гиперопеку как ответ на собственную травму недополученного внимания в детстве. Формируется дискурс рационализации: «мы были слишком свободными – поэтому теперь слишком защищаем».

Таким образом, происходит когнитивная переоценка и оправдание ролевых моделей: негативный ярлык трансформируется в объяснимое или даже желательное поведение, зависящее от коммуникативной позиции.

3. Этап двойной маркировки (амбивалентное функционирование)

Каждый из неологизмов начинает одновременно функционировать в противоположных регистрах.

Hotel of Mum and Dad используется как внешняя критика инфантильности и как ироничное самоназвание внутри молодёжного дискурса; *Disney Dad* одновременно романтизируется детьми и критикуется взрослыми как символ недисциплинированного родительства; *Velcro parents* подвергаются осуждению за гиперопеку и одновременно используются как когортный маркер ответственного родительства, противопоставленного модели *Latchkey*.

На данном этапе возникает дискурсивная амбивалентность: один и тот же неологизм интерпретируется по-разному в зависимости от возраста, жизненного опыта и коммуникативного контекста.

4. Результирующее когнитивное напряжение

Все три лексемы фиксируют устойчивое когнитивное и социолингвистическое напряжение в поле семейных взаимодействий: в межкогортной перспективе – как симптомы смены ролевых ожиданий, нарушающих традиционные модели зрелости, родительства и независимости; во внутрикогортной – как инструменты символического осмысления, компенсации и защиты личного или семейного опыта.

Hotel of Mum and Dad фиксирует разрыв между экономической реальностью и нормой взрослой независимости; *Disney Dad* – конфликт между эмоциональной привлекательностью и социальной ответственностью; *Velcro parents* – борьбу между родительской тревожностью и детской потребностью в автономии.

Динамическое концептуальное моделирование в этом случае позволяет проследить, как семейные неологизмы из маркирующих ярлыков трансформируются в когнитивные ресурсы: объекты переосмысления, нормализации и сопротивления внутри различных когортных и ролевых позиций.

Тематический кластер «гендерная идентичность»

Рассмотрим гендерный генерационный неологизм с выраженной конфликтной и когортной маркированностью *Tradwife* (*om traditional wife* – жена, выбирающая традиционную гендерную роль). Данная неолексема представляет собой результат дискурсивной реинтерпретации традиционной гендерной роли женщины-домохозяйки. В отличие от архаичного образа, связанного с социальной обязанностью и гендерным неравенством, *Tradwife* в современном медийном и молодежном дискурсе преподносится как добровольный и осознанный выбор «вернуться домой» и принять патриархальные роли как форму самоидентификации и защиты семейных ценностей.

Семантически неологизм формирует амбивалентную рамку: с одной стороны, он ассоциируется с устойчивостью, заботой, женственностью, гармонией и стабильной моделью семьи; с другой – с отказом от прогресса, неравноправием, слепым подчинением и возможной утратой гендерной субъектности. Это делает неологизм высокополяризованной: представители старших поколений (Boomers и часть Gen X) зачастую воспринимают его как возвращение к «естественным» ролям женщины, в то время как молодёжь, в особенности активистки Gen Z, нередко видит в нём ретроградный жест, отказ от свободы и предательство феминистской солидарности.

В социальных сетях и блогах прослеживается ярко выраженная когнитивная и ценностная поляризация. Так, в примере из онлайн-словаря Urban Dictionary три женские реплики иллюстрируют расщепление внутри самой молодёжной когорты:

“Woman A: I’m thinking about quitting my job and doing the tradwife thing.

Woman B: How dare you?!? The civil rights activists who fought to give you your rights, they must be spinning in their graves right now!!!

Woman C: Actually, those activists fought for her being able to CHOOSE whatever job she wants. So if she wants to choose the full-time homemaker job, then what goddamn business is that of yours, you anti-freedom authoritarian asshole?" (<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Tradwife>). / «Женщина А: Думаю уволиться с работы и заняться жизнью традиционной жены.

Женщина В: Как ты смеешь?! Борцы за гражданские права, которые сражались за твои права, сейчас, наверное, в гробу переворачиваются!!! Женщина С: На минуточку, именно за это и боролись – чтобы женщина могла сама решать, кем ей быть. Так что если она хочет быть домохозяйкой – это её личное дело. И кстати, какое тебе вообще до этого дело, ты, авторитарная ханжа, не уважающая свободу выбора?».

Лексические маркеры поляризации в данном фрагменте включают: "how dare you" (как ты смеешь), "spinning in their graves" (переворачиваться в гробу), "anti-freedom authoritarian asshole" (авторитарная ханжа, не уважающая свободу выбора) как выражения осуждения и идеологического давления, а также "CHOOSE whatever job she wants" (выбирать любую работу, какую она захочет), "homemaker job" (работа домохозяйки) как элементы оправдания выбора и утверждения личной автономии.

Анализ показывает наличие внутрикогортной поляризации: одни воспринимают *Tradwife* как проявление внутренней несвободы и идеологической уступки, другие – как реализацию права на выбор. Тем самым неологизм становится символическим полем борьбы за интерпретацию феминности, в котором сталкиваются индивидуалистская модель гендерного самоопределения и коллективистская модель эмансипации.

Прагматически *Tradwife* функционирует как дискурсивный маркер возвращения к консервативным гендерным нарративам, при этом встраиваясь в современную логику выбора и самоидентификации. Это создаёт эффект двойного кодирования: с одной стороны – следование традиции, с другой – символическая автономия в пределах заданной роли.

Таким образом, неологизм *Tradwife* репрезентирует напряжение между прошлым и настоящим, свободой и нормой, традицией и индивидуальным выбором. Он демонстрирует, как языковые инновации становятся ареной символического конфликта, отражая не только межпоколенческое противостояние, но и ценностное расслоение внутри когорт, где лексические средства фиксируют и усиливают поляризацию.

Следующий генерационный неологизм с ярко выраженной конфликтной нагрузкой – **Karen**. Данная лексема, зародившаяся в интернет-мемах, репрезентует собирательный образ белой женщины среднего возраста, поведение которой характеризуется чрезмерной требовательностью, демонстрацией чувства превосходства и злоупотреблением социальной (в том числе расовой) привилегией. Первоначально комично-ироничный термин быстро приобрёл негативную коннотацию и трансформировался в стигматизирующую неолексему, актуализирующую расовые, классовые и поколенческие напряжения.

Наиболее часто *Karen* соотносится с представителями поколения Baby Boomers и старшими Gen X. Именно этим группам приписывается поведение, противоречащее современным нормам социальной чувствительности, инклюзивности и ответственности, что и порождает конфликт с более молодыми поколениями (в первую очередь Millennials и Gen Z), выступающими как критики подобных моделей.

Примеры из пользовательских платформ, таких как Urban Dictionary, ярко демонстрируют поляризующий потенциал лексемы. Изучим фрагменты:

"Karen sues the local city council after they installed a new STOP sign that hides the sun from her window for two minutes a day. The sign was installed after a school boy on his bicycle was hit by a speeding driver and died" (<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Karen>). / «Карен подаёт в суд на городской совет после того, как рядом с её домом установили новый знак STOP, который на две минуты в день заслоняет ей солнце. Знак был поставлен после того, как школьника на велосипеде сбила машина насмерть».

"Karen refuses to wear a face mask for her 5 minute trip to the supermarket during a pandemic. She harasses the workers, asks to see the manager and threatens to sue" (<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Karen>). / «Карен отказывается надевать маску во время пандемии для пятиминутного похода в супермаркет. Она грубит персоналу, требует позвать менеджера и угрожает судом».

"Karen complains that her favorite parking spot was replaced by a ramp for wheelchairs. She parks her car in the old spot anyway and shoots a vlog about it" (<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Karen>). / «Карен жалуется, что её любимое парковочное место заменили на пандус для инвалидов. Она всё равно ставит туда машину и записывает об этом блог».

Репрезентация *Karen* строится через устойчивые выражения и контекстуальные конструкции: "I want to speak to the manager" (Позовите менеджера) – ставшее мемом выражение, символизирующее чрезмерные притязания и вмешательство; "complains about..." (жаловаться на...), "calls the police on..." (вызывать полицию) указывают на использование внешних структур власти для решения личных неудобств; "refuses to wear a mask" (отказываться надевать маску) – в контексте пандемии отражает противостояние общественным нормам; "parks in disabled spot" (парковаться на месте для инвалидов), "shoots a vlog about it" (записывать видео для блога) – иллюстрация поведения людей, маргинализирующих других ради собственных удобств.

Семантически лексема *Karen* функционирует как маркер негативной когортной и гендерной идентичности. В ней закреплены характеристики, транслируемые как социально неприемлемые: эгоцентризм, агрессия, расизм, антинаучность.

Прагматически термин выполняет поляризующую функцию: через юмористически-гиперболизированный образ закрепляется дихотомия между «старым порядком» и новой системой ценностей, основанной на социальной справедливости, инклюзивности и эмпатии. Когортная поляризация здесь выражается особенно резко,

так как использование лексемы часто служит публичным обвинением и стигматизацией определённых возрастных и этнокультурных моделей поведения.

Дополнительное внимание привлекает и мужская версия неологизма – *Kevin*, – выполняющая аналогичную функцию в отношении мужчин, демонстрирующих схожие черты: авторитаризм, грубость, привилегированное поведение. Хотя лексема *Kevin* менее распространена, она расширяет поле лексической генерационной поляризации и подтверждает гендерно-специфическую структуру когнитивной оппозиции.

Принципиально важно, что данная лексема несёт в себе не только когортную, но и расовую нагрузку, выступая индикатором глубинной социолингвистической напряжённости. *Karen* – полифункциональный неологизм, соединяющий когортную, гендерную и расовую семантику. Он не только отражает динамику социальных трансформаций и смену дискурсивных норм, но и активно участвует в перераспределении символического капитала между поколениями. В этой связи *Karen* становится ярким маркером когнитивной и социальной поляризации, функционируя как лингвистический инструмент критического осмысления привилегий, власти и морального превосходства в рамках современного англоязычного общества.

К лексемам *Tradwife* и *Karen* можно выделить следующие ключевые этапы концептуальной трансформации:

1. Этап первичной концептуализации (внешняя маркировка)

На начальном этапе указанные неологизмы функционируют как внешние ярлыки, формируемые преимущественно в публичном медиадискурсе с целью обозначения определённых ролевых, когортных и ценностных девиаций.

Tradwife маркирует женщину, сознательно принимающую патриархальные роли, как символ «возврата» к традиционным гендерным нормам. Семантический спектр охватывает как положительные коннотации (гармония, забота, устойчивость), так и отрицательные (подчинение, отказ от феминистских ценностей, ретроградность). *Karen* репрезентует собирательный образ белой женщины среднего возраста, демонстрирующей авторитарное, привилегированное, зачастую расово маркированное поведение. Лексема первоначально функционирует как мем, но быстро приобретает стигматизирующую и конфликтогенную функцию.

На этом этапе когнитивный сценарий строится по модели: *отклонение от современных ценностей – символ угрозы социальной справедливости или моральной деградации*.

2. Этап ироничного внутрикогортного переосмысления

Постепенно лексемы начинают переосмысливаться внутри самих целевых когорт как форма самоидентификации, сопротивления или демонстративного принятия ярлыка.

Tradwife используется женщинами как символ осознанного, добровольного выбора, вписанного в парадигму свободы и права на индивидуальную идентичность. Появляется нарратив: «мы выбираем это сами и в этом проявляется наша свобода». Вокруг *Karen* формируется практика ироничной интерпретации, в том числе и со стороны женщин старшего поколения, которые либо переосмысливают критику, либо выстраивают стратегию защитной идентичности: «не все *Karens* одинаковы» или «*Karen* – это ярлык, навешиваемый без разбора».

Таким образом, ярлык становится дискурсивным ресурсом для когнитивного маневрирования, а также отражает внутригендерную и внутрикогортную рефлексию.

3. Этап двойной маркировки (амбивалентное функционирование)

На данном этапе лексемы закрепляются в языке как амбивалентные конструкции, одновременно выполняющие функции внешней критики и внутренней самоидентификации.

Tradwife выступает как манифест добровольной феминности, но вместе с тем критикуется как регрессивный выбор, противоречащий эгалитарным ценностям. *Karen* функционирует как обвинительный мем и инструмент социальной дискредитации, но в то же время может служить маркером несправедливого обобщения и средством сопротивления против социальной типизации.

Таким образом, один и тот же неологизм начинает одновременно выполнять функцию дискредитации и самоутверждения, усиливая амбивалентность когнитивных репрезентаций.

4. Результирующее когнитивное напряжение

Каждая из лексем становится индикатором сложного пересечения когортной, гендерной и, в случае с *Karen*, расовой поляризации:

Tradwife фиксирует конфликт между индивидуалистской моделью гендерного выбора и коллективистским феминистским дискурсом, создавая напряжённость внутри самой женской когорты. *Karen* репрезентирует социолингвистическую триаду: когортную принадлежность (*Boomers* и *Gen X*), гендерную идентичность (женщина, обладающая социальной властью) и расовую структуру (*white privilege*). Она становится точкой пересечения между старым и новым порядком, между нормативной жёсткостью и современной этикой инклюзивности.

Данные лексемы отражают не только межкогортную, но и внутрикогортную фрагментацию: одни участники воспринимают ярлык как справедливое обличение, другие – как механизм стигматизации и контроля.

Динамическое концептуальное моделирование позволяет проследить эволюцию этих лексем от жёстких лингвистических стереотипов к полифункциональным символам когнитивной борьбы за интерпретацию норм, идентичностей и ценностных ориентиров.

Заключение

В ходе проведённого исследования были достигнуты поставленные цели и решены исследовательские задачи, что позволяет обобщить полученные результаты.

Определены типологические особенности генерационных неологизмов и выделены признаки их когнитивной и прагматической маркированности. Установлено, что эти лексемы отражают когортную самоидентификацию, способствуют символической сегрегации и обладают высоким конфликтным потенциалом. Они не только обозначают принадлежность к определённой возрастной группе, но и активно формируют межпоколенческое противопоставление.

Семантический анализ ключевых единиц выявил инвариантные и вариативные признаки, репрезентирующие стратегии самоописания и ироничного дистанцирования, характерные для отдельных когорт. Уточнена аксиологическая направленность неологизмов, определена степень их эмоциональной и идеологической нагруженности.

На основе корпусных и медиадискурсивных источников прослежена динамика смыслового наполнения неологизмов. Зафиксированы семантические и прагматические трансформации, включая смещение оценочной перспективы, амбивалентное функционирование и когнитивную рефлексию, подтверждающие активную роль лексем в эволюции дискурсивных ролей когорт.

Описаны механизмы символической сегментации, реализуемые через генерационные неологизмы. Установлено, что такие единицы функционируют как семиотические маркеры границ, закрепляя когортную идентичность и усиливая поляризацию в межпоколенческом коммуникативном пространстве.

Таким образом, можно заключить, что генерационные неологизмы английского языка выполняют комплексную когнитивно-прагматическую функцию: они служат средствами когортной репрезентации, индикаторами социальной напряжённости и инструментами перераспределения символических ресурсов в условиях культурной фрагментации.

Перспективы дальнейшего исследования представляются особенно значимыми в контексте расширения корпуса генерационных неологизмов с учётом их функционирования в различных типах англоязычных медиадискурсов, включая разноформатные коммуникативные средства и медийные форматы. Особое внимание может быть уделено анализу динамики семантической переоценки конфликтогенных лексем в зависимости от когортной принадлежности и социальных контекстов их употребления. Кроме того, продуктивным направлением представляется сравнительный анализ межъязыковых аналогов генерационных неологизмов, что позволит выявить универсальные и культурно-специфические механизмы языковой поляризации.

Материалы исследования | Research materials

1. Cambridge Dictionary. <https://dictionaryblog.cambridge.org/>
2. Reddit. <https://www.reddit.com/>
3. Sketch Engine. <https://www.sketchengine.eu>
4. TikTok. <https://www.tiktok.com/ru-RU/>
5. Urban Dictionary. <https://www.urbandictionary.com/>
6. WordSpy. <https://wordspy.com/>

Источники | References

1. Апресян В. Ю. Отрицательная и положительная поляризация: семантические источники // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2017. Вып. 16 (23). Т. 2.
2. Катермина В. В. Словообразовательный потенциал неологизмов в англоязычном массмедийном дискурсе: монография. Краснодар: КубГУ, 2019.
3. Теркулов В. И., Тамерьян Т. Ю. Языковая идентификация и идентичность // Политическая лингвистика. Языкознание и литературоведение. 2023. № 1 (97). https://doi.org/10.26170/1999-2629_2023_01_03
4. Ahsan M., Tanveer F. The Interplay of language and social identity: a comprehensive sociolinguistic review // Migration Letters. 2024. № 3.
5. Barsallo G., Ortiz V., Yanis-Orobio R., Mendoza E. Generational Identity, Values, and Sense of Belonging // Social Sciences. 2024. № 13. <https://doi.org/10.3390/socsci13120641>
6. Cheshire J. Age and Generation-specific use of language. L.: Queen Mary University of London, 2006.
7. Downs H. Bridging the Gap: How the Generations Communicate // Concordia Journal of Communication Research. 2019. Vol. 6.
8. Foubert O., Lemmens M. Gender-biased neologisms: the case of man-X // Lexis. Journal in English Lexicology. 2018. № 12.
9. Kerremans D. A Web of New Words. A Corpus-Based Study of the Conventionalization Process of English Neologisms. Frankfurt am Main – B. – Bern – Bruxelles – N. Y. – Oxford – Wien, 2015.
10. Link S. V. What makes a neologism a success story?: an empirical study of the diffusion of recent English blends and German compounds. München: Ludwig-Maximilians-Universität, 2021.
11. Privett Ch. Generation Divide: Activating Generational Identities with a survey experimental approach: dissertation chapter. 2023. https://www.wpsanet.org/papers/docs/Privett_Survey%20Experiment%20Chapter.pdf
12. Rodney M. Conflict and diversity associated with four generations in the Workforce. Minneapolis: Walden University, 2016.

13. Szydlík M. Generations between conflict and cohesion. Zurich – Geneva: Seismo Press, 2023.
14. Urlick M., Hollensbe E., Masterson S., Lyons S. Understanding and managing intergenerational conflict: an examination of influences and strategies // Work, Aging and Retirement. 2017. Vol. 3. № 2.

Информация об авторах | Author information

Хатламаджиян Маргарита Аршалуйсовна¹, к. филол. н.

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Margarita Arshaluysovna Khatlamadzhiyan¹, PhD

¹ Rostov State University of Economics (RINH)

¹ Margarita22@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.06.2025; опубликовано online (published online): 25.07.2025.

Ключевые слова (keywords): английский язык; генерационные неологизмы; межпоколенческая коммуникация; языковая поляризация; конфликтогенный потенциал; English language; generational neologisms; intergenerational communication; linguistic polarization; conflictogenic potential.